

П. Н. Клюкин

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД В АНАЛИЗЕ ПРОБЛЕМ «СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ» В РАБОТАХ Н. Д. КОНДРАТЬЕВА И Е. Е. СЛУЦКОГО

После того как теоретическое наследие Конъюнктурного института было осмыслено в целом [1, с. 32], наступил черед более углубленного исследования научных взглядов отдельных, составляющих ядро Института, личностей. На этом пути естественным является возврат к обратной процедуре синтеза. Пусть недавно воссозданное в полном объеме творчество Е. Е. Слуцкого [2] представляет собой, образно говоря, один ряд полной длины¹; тогда второй ряд, также полной длины благодаря произведениям последнего времени [3; 4], реализуется наследием Н. Д. Кондратьева. Возникает задача оценить «степень корреляции» этих рядов. Причем ввиду важности решения этой задачи для формирования обобщенной картины развития российской экономической мысли в период 1890–1930-х годов особое значение приобретают пограничные значения «коэффициента корреляции», нуль или единица, которые покажут в итоге или отсутствие связи, или же, наоборот, зависимость одного ряда от другого (в плане идей) и, стало быть, возможность последующей редукции². В конце концов, речь идет о том, кого следует считать *последним представителем* отечественной традиции указанного периода. И если желать не только отображать мысль, как она существовала в прошлом, но и развивать ее применительно к настоящему, то не следует исключать возможности того, что последний представитель *по факту* может не оказаться таковым *по логике*. В этой связи особенно интересна и показательна качественная динамика этого коэффициента корреляции. Поэтому мы берем ряды не заданными, а изменяющимися во времени (от 1910-х к 1930-м годам), т. е. постепенно увеличивающими свою длину. Таким образом реализуется *генетический подход*, альтернативный распространенному в историко-экономических исследованиях суммативному, который в своей основе статичен, ибо фиксирует исторические элементы как неподвижные точки в прошлом.

Проблема «Кондратьев — Слуцкий», несмотря на кажущуюся очевидность своей постановки, вовсе не так проста. Чтобы избежать механичности сопоставления, требуются ряды *максимальной длины*, во-первых, и *надлежащая организация* составляющих ряд элементов (возможная только в контексте развития мысли ученого, его «личных усилий»), во-вторых. В оте-

¹ Под рядом будем понимать совокупность работ ученого, выстроенную в логической или хронологической последовательности.

² Исследования, обнаруживающие, что значение корреляции в общем случае заключено между 0 и 1 [5, р. 137], естественны; но они проводятся на очень узком интервале времени и, кроме того, берут тему в качестве заданной как бы извне развития российской традиции.

Петр Николаевич КЛЮКИН — канд. экон. наук, старший научный сотрудник ИЭ РАН, доцент кафедры экономической методологии и истории НИУ ВШЭ, лауреат Золотой медали Н.Д. Кондратьева «За вклад в развитие общественных наук» (2010). Научный редактор серии «Антология экономической мысли» (издательство «Эксмо», 14 томов). Научные интересы — история российской и мировой экономической мысли, неортодоксальные экономические теории. Автор более 100 научных публикаций.

© П. Н. Клюкин, 2011

чественных, отправляющихся со стороны Кондратьева, исследованиях «первой волны» конца 1980-х — начала 1990-х годов, даже самых продвинутых, имя Слуцкого или не упоминалось вообще [6, с. 23–59], или же упоминалось только вскользь [7, с. 26, 41]. И только в начале нынешнего века, в связи с новым, *политико-экономическим* прочтением «Бутырской рукописи» 1930–1931 гг.³, возникает мысль, что в каком-то отношении к статистико-вероятностной интерпретации общества и хозяйства, предложенной Кондратьевым, может стоять статья Слуцкого о сложении случайных причин (1927) (см. [3, с. 750]). Оставалось немного (и это было сделано впоследствии): с одной стороны, максимально удлинить «ряд Кондратьева», включив в него Суздальский период, и, с другой стороны, восстановить «ряд Слуцкого»⁴.

На Западе «проблема корреляции» Кондратьева и Слуцкого в полном объеме пока не поставлена. В отношении Кондратьева по-прежнему недостаточно освещенным остается суздальский (и отчасти бутырский) период, так как полностью «Суздальские письма» не попали в издание [11], а статья, в которой фиксировалась проблема трансформации взглядов Кондратьева, прошла, судя по всему, незамеченной [12]. Что касается Слуцкого, то здесь наблюдается не только *естественная неполнота* соответствующего ряда (хотя пробелы быстро заполняются), но и *дезорганизация* последнего, обусловленная, прежде всего, отсутствием ясного понимания той отправной точки, которая, как нить Ариадны, могла бы привести к раскрытию имманентной логики развития творческого наследия мыслителя [13, р. 404, 408, 411; 14, р. 347].

Перспективно посмотреть на отношение «Кондратьев — Слуцкий», добавив в него еще один элемент, а именно — подключив к рассмотрению А. А. Чупрова и его учеников-«чупровцев», среди которых особенно выделим Н. С. Четверикова и О. Н. Андерсона. Образует, таким образом, триаду-схему:

«Кондратьев — [Чупров и “чупровцы”] — Слуцкий», (1)

в которой Чупров и его школа будут играть роль не просто промежуточного звена, а «среднего термина», своей активностью связующего оба крайних. Такая диспозиция дает возможность, даже при отсутствии непосредственной связи между Кондратьевым и Слуцким (которой в явном виде не было вплоть до начала 1926 г.), наблюдать за эволюцией обоих.

1910-е и начало 1920-х годов: невидимая корреляция взглядов Слуцкого и Кондратьева

Творческое взаимодействие «Слуцкий — Чупров» возникает в начале 1910-х годов в связи с работой «Теория корреляции и элементы учения о кривых распределениях» (1912), а также приездом Слуцкого в Санкт-Петербург в сентябре 1912 г., где он лично встречался с Чупровым⁵. Долговременный характер этого отношения уже тогда обуславливался не столько интересами преподавания (Чупров в 1913–1915 гг. предлагал

³ Тем самым «ряд Кондратьева» не только удлинялся, но и еще и получал надлежащую организацию (с точки зрения экономической мысли), ибо, по существу, был произведен отход от доминирующей социологической интерпретации «Рукописи», предложенной Ю. Н. Давыдовым и отчасти Ю. Б. Кочевриным [8, с. 437, 462–463, 473 и след.].

⁴ В процессе этого восстановления была произведена переоценка мнения (которое легло в основу издания [9]), будто «взнос Слуцкого в человеческую культуру является по преимуществу взносом математики» [10, с. 148].

⁵ О рецензии Чупрова на книгу Слуцкого и о их переписке в связи с отношением к трудам К. Пирсона по теории корреляции см. [15, с. 64–75; 2, с. 800–813].

Слуцкому читать соответствующие курсы), сколько той общей точкой зрения, что, с одной стороны, статистическая теория корреляции избавляет «наблюдателя социальных явлений» от невыгоды быть только наблюдателем, а не свободным экспериментатором (см. [2, с. 755]), с другой же — что, по мнению Слуцкого, «статистик некомпетентен в высказывании причинных суждений» и должен быть еще специалистом в соответствующей области, например экономистом или метеорологом.

Инициированный Чупровым перевод книги Дж. У. Юла «Очерки по теории статистики» послужил также началом переписки Слуцкого и Четверикова в 1913–1914 гг., в которой уже ставятся первые вопросы о терминологии и статистическом методе [16]. Придерживаясь, однако, доброго и старого правила «необязательных ответов», будущие друзья в итоге прерывают ее; причиной здесь стало не только внешнее событие — война, но и крайняя занятость Слуцкого своей статьей 1915 г. по теории бюджета потребителя, так как в этот период экономика была для него еще на первом плане. Но уже совсем скоро раскрывается стремление Слуцкого пойти в построении статистики дальше Чупрова (1916) [2, с. 816], считавшего ее *идеографической наукой*.

Двигаясь с другой стороны, можно наблюдать, что связка «Кондратьев — Чупров», в свою очередь, обнаруживается уже в первой крупной работе Николая Дмитриевича, где он ссылается на издания «Очерков по теории статистики» Чупрова 1909–1910 гг. [17, с. 36, 52, 143, 237]. Два важных момента интересуют здесь молодого ученого: наличие причинной связи между явлениями, которая, как конституирующая закономерности, познаваема, и это не отличает общественные науки от естественных [17, с. 36]; и осознанный акцент на практической стороне исследования («мы стоим прежде всего на почве установления и объяснения фактов» [17, с. 4]). Прикладной характер темы, а также то, что основной круг чтения Кондратьева в этой работе составляли, как установлено, представители по существу одной финансовой школы: П. П. Мигулин, А. И. Буковецкий, И. Х. Озеров, В. Н. Твердохлебов (см. [18, с. 341–342, 361–364, 436; 19, с. 178]), не мешает увидеть, как Кондратьев четко встает на *точку зрения идеографии*. И не только по причине «молодости общественных наук», но и потому, что он воспринял проведенное Чупровым с особой тщательностью разграничение идеографического и номографического методов исследования, сделав выбор в пользу первого. В этом отношении Кондратьев начинает отходить от методологии М. И. Туган-Барановского, который так и не соединил в себе экономиста-теоретика и статистика-эмпирика, оставшись в теории цикла на всецело дедуктивных позициях⁶.

В начале 1920-х годов в связи с работами по конъюнктуре становится заметным движение Кондратьева в сторону методологии У. Митчелла (1913) [3, с. 746, 749]. Это родство, однако, скорее всего было обусловлено *схожей предметной областью*, а также последующими дебатами об истоках эконометрики, в которых было важно отделить «теоретический» подход (Е. Е. Слуцкий, Дж. У. Юл, Р. Фриш) от «эмпирического», реализуемого как раз Митчеллом и Гарвардским экономическим бюро (NBER). Дело в том, что однозначное отнесение Кондратьева даже в первых его работах 1920-х годов ко второму направлению может исказить представление о его научном методе;

⁶ Ср. сожаление по этому поводу В. Я. Железнова в очерке «Rußland» (1927), который противопоставил теории кризисов Туган-Барановского более перспективную, по его мнению, теорию цикла М. Бунятяна [20, с. 293–294]. Тем не менее в экономической (не статистической) теории на тот момент Кондратьев остается на точке зрения Туган-Барановского, что видно из его рецензии на «Экономические кризисы» Бунятяна 1915 г. [21, с. 359–360].

последний формировался, опираясь на традиции российской, т. е. по существу Санкт-Петербургской статистической школы. Поэтому будем продолжать придерживаться предложенной схемы (1). Тогда мы увидим, что уже в работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922) у Кондратьева наблюдается стремление выйти за рамки чистого разделения понятий и рассуждать в терминах *относительной* идеографии и *относительной* номографии [3, с. 268]. Поворот в эволюции Кондратьевского метода показательным образом совпадает с началом работы в Конъюнктурном институте [3, с. 42]. Действительно, в написанном чуть раньше произведении «Рынок хлебов...» (1922) о Чупрове и его методе нет упоминания.

Внешне тем не менее в это время никакой связи между Кондратьевым и возглавляемым им Институтом, с одной стороны, и А. А. Чупровым как главой *Санкт-Петербургской статистической школы*, с другой — все еще нет. Любопытно, что Чупров даже не был в курсе того, чем занимался Кондратьев, и не знал его имени-отчества [22; 23, с. 59]. Но вскоре находится связующее и утраченное некогда звено — Четвериков, который (не в последнюю очередь из-за трений с начальством) в 1923 г. перешел из ЦСУ в Конъюнктурный институт. Это вызвало показательные сожаления Чупрова⁷. Отсутствие налаженных связей стало, по-видимому, еще одной причиной его несогласия стать консультантом Конъюнктурного института (ср. с должностью Слуцкого) в ответ на письмо-приглашение, посланное Четвериковым в июле 1925 г. [15, с. 29–32].

Вторая половина 1920-х годов: видимая, но неоднозначная корреляция идей Кондратьева и Слуцкого

В свете позднейших работ Кондратьева незнакомство Чупрова с его работами является еще одним подтверждением того, что Николай Дмитриевич не занимался теоретическими проблемами корреляции, которым придавалось решающее значение в «школе Пирсона». Вплоть до 1928 г. Кондратьев следовал в статистике индексному методу. Это подтверждает и его пристрастие к секции индексов и цен (М. В. Игнатъев, А. А. Конюс, Л. М. Ковальская), и, можно сказать, единственное обращение к коэффициентам корреляции за период с 1922 по 1928 г. в рецензии под названием «Новый труд по теории русской хозяйственной конъюнктуры» на книгу С. А. Первушина «Хозяйственная конъюнктура» 1925 г. [1, с. 562]. Это обращение было связано с тем, что Четвериков обнаружил серьезные недостатки метода У. Персона при обработке сезонных волн⁸. Между тем основная новизна взглядов Кондратьева в изучении больших циклов конъюнктуры была связана как раз с движением в русле Гарвардской школы с тем же Персонсом во главе [1, с. 14–15].

Действительно, в программной статье «Большие циклы конъюнктуры» (1925), аргументация которой была повторена в докладе 8 февраля 1926 г., новизна взглядов Кондратьева особенно бросается в глаза, если сопоставлять его подход и статистические методы как раз с подходом и методами Персона, которые были рассмотрены в книге

⁷ Из писем Четверикову первой половины 1920-х годов: «Связь Ваша с ЦСУ ценна и для Вас, и... обьективно ценна для русской статистики... тем, я бы сказал, научно-моральным воздействием, какое от Вас исходит». И через полтора года, в марте 1924 г.: «Что стало Вам невмочь... я очень понимаю. Но все же очень жалею, что ЦСУ Вас потеряло» [15, с. 94].

⁸ В работе «Связь хлебных цен с урожаями» (1925) он писал, что сезонные колебания могут испытывать серьезные эволюторные изменения, не считаться с которыми нельзя. В этом случае применение метода наименьших квадратов для выяснения формы связи приводило к «ложной корреляции» (см. [1, с. 176–177]).

С. П. Боброва «Работа Уоррена Персонса (Гарвардское экономическое бюро)» (1926). По меткому замечанию автора, Персонс считал циклические колебания, т. е. форму развития, важнейшим конъюнктурным фактом, но при этом почти не затрагивал вопроса о «больших циклах» (см. [1, с. 574]).

С другой стороны, к 1925 г. набирает интенсивность переписка Четверикова со Слуцким, в том числе и по вопросу о статистическом методе⁹. Она возвращает нас к Слуцкому, который начиная с 1922 г. встает на путь построения науки статистики на чисто объективной основе (по примеру Д. Гильберта в геометрии). Привело его на этот путь не только глубокое знание состояния статистики на тот момент, но и долгое — еще с 1912 г. — осмысление «проблемы Чупрова» о переброске моста от вероятности к действительности. Не случайно именно после выхода своей фундаментальной статьи в «Метроне» (1925) Слуцкий с сожалением скажет: «Как жаль, что Чупров умер. Как хорошо было бы продолжить с ним переписку» (сентябрь, 1926). (Первый вариант этой работы Чупров, как известно, смотрел в 1923 г., но в нем еще не было математического аппарата стохастической асимптоты.)

Из цикла статистических работ 1922–1929 гг. следует, что «проблема Чупрова» понималась Слуцким как *синтез идеографии и номографии* (см. [2, с. 945]). Номография задается математикой (теорией вероятностей) и соответствующей аксиоматикой; по этому пути пошли, как мы знаем, сначала С. Н. Бернштейн (1917), а затем уже А. Н. Колмогоров и другие представители его школы. Для Слуцкого с его тягой к конкретному социально-экономическому анализу это было неприемлемо: он не был чистым математиком. Идеография же, если она остается одна, без теоретической схемы, вырождается по существу в чистый эмпиризм (по примеру У. Митчелла). Критика этой позиции содержится в центральной работе указанного периода «Сложение случайных величин как источник циклических процессов» (1927), в которой Слуцкий явным образом критикует приблизительные и грубые методы исследования [2, с. 580]. В итоге он находит выход в основах статистического эксперимента и созданном на его основе «методе моделей». Три его статьи 1925–1927 гг. дают подтверждение этой точки зрения [2, с. 68–74]. Из них здесь нас особенно интересует одна, которая связана с законом больших чисел (1925).

«Проблему Чупрова» Слуцкий связывал с этим законом уже в своей «Теории корреляции...» 1912 г.: «...на основании закона больших чисел *частота* явления при большом числе повторений приближается к его *вероятности*» [2, с. 770]. Он говорил там о «комплексе случайных причин», который складывается из очень большого числа элементарных влияний и в котором как положительные, так и отрицательные влияния одинаково вероятны. И это представление связывалось Слуцким с законом, формулировка которого была на тот момент *стандартной*. «Чем больше число повторений явления, тем полнее случайные причины компенсируют друг друга, взаимно уничтожаясь в своих влияниях на данное явление» [2, с. 652–653]. В итоге он фактически мыслил связь корреляционной и причинной зависимости в виде следующего соотношения-схемы [2, с. 756]:

$$\begin{aligned} & \text{Корреляционная зависимость} = \text{причинная зависимость} + \\ & + \text{«прочие влияния», или «шум», производимый условиями опыта.} \end{aligned} \quad (2)$$

⁹ «В 1925 г. они уже писали друг другу “дорогой”, а не “глубокоуважаемый”, — отмечает в своих “Воспоминаниях” Ю. Н. Слуцкая. — Николай Сергеевич входил в интересы научной деятельности Евгения Евгеньевича и имел с ним немало точек соприкосновения в разработке некоторых вопросов по своей специальности, и, наконец, сошлись они на одной из основных линий своих научных интересов, именно они оба придавали большое значение выработке терминологии и вопросу о методе» [24].

В работе «О законе больших чисел» (1925) он пересматривает эту точку зрения: «Защищаемую здесь концепцию закона больших чисел я рассматриваю как чисто стохастическую, противопоставляя ее всем попыткам представить этот закон как закон частостей» (см. [2, с. 924]). «Стохастика», понимаемая им в смысле Чупрова (не Борткевича!), открыла ему путь к теории (стационарных) случайных процессов.

«Прозрев как в кристалле» идею случайного процесса еще в Киеве [2, с. 68–69], Слуцкий поехал в Конъюнктурный институт реализовывать свои планы по вычислительной работе, а не заимствовать идеи у Кондратьева [1, с. 17–18]. Их интересы на самом деле совпадали очень мало¹⁰. Здесь еще весьма «кстати» (в важном для нас контексте связи с занятиями Кондратьева) Четвериков сделал серьезное признание в том, что он недолюбливает теорию индексов в качестве раздела теоретической статистики [26]. Образуя оппозицию Кондратьеву в методах исследования в секции методологии Конъюнктурного института, и Слуцкий, и Четвериков, были, в частности, критически настроены в отношении идеи больших циклов. Слуцкому от Института нужны были, прежде всего, вычислители, но никто иной, как Четвериков, первым выяснив планы Слуцкого (март, 1926), сказал ему, что это может быть подходящей плановой работой для Института. Характерна реакция Слуцкого: «Тогда это совсем весело!» (в письме Ю. Н. Слуцкой от 20.03.1926) [27].

11 июня 1926 г. Слуцкий показывал Кондратьеву «некоторые свои результаты» по ведущейся работе «Сложение случайных величин как источник циклических процессов» (1927) (см. [2]), но Кондратьев, судя по дошедшим материалам, осознал теоретическое значение этих результатов только в Суздале в 1932–1933 гг. Дело в том, что они носили эмпирический характер, так как были получены еще до формулировки математического фундамента, заложенного Слуцким в период 16–22 июня того же года¹¹. В итоге «Кондратьев очень доволен и не будет меня торопить с окончанием — а это ведь для меня самое главное» (письмо Ю. Н. Слуцкой от 11.06.1926). В отсутствие математического фундамента Кондратьев скорее всего воспринял результаты Слуцкого о полученных циклических процессах как подтверждение своей собственной точки зрения.

В октябре 1926 г. Слуцкий пишет Ю. Н. Слуцкой, что «работа на рельсах... через 2–3 месяца будет готова первая статья» [30]. Она и вышла в 1927 г. в III выпуске «Вопросов конъюнктуры». Именно в ней критика, с одной стороны, метода периодограмм А. Шустера с последующей разработкой «метода моделей» (по сути, метода статистического эксперимента), и с другой — «описательной точки зрения» У. Митчелла, привела к *опровержению* неоднократно повторяемого Кондратьевым тезиса о том, что «применяемый метод может при неотчетливо поставленной проблеме исследования уничто-

¹⁰ Сообщение А. А. Конюса о том, что Кондратьев лично пригласил Слуцкого работать в Конъюнктурном институте, породило легенду об обратном. Эта точка зрения, опровергаемая как на материале переписки Слуцкого с женой в 1926 г., так и на основе анализа оставленного без внимания «киевского исследования» под названием «О случайном циклическом расположении попарно равных между собой элементов (1923–1926)» (перевод с немецкого; см. [2]), находила свое логическое выражение в том, что «Кондратьев, должно быть, хорошо осознавал опасности, скрытые в методе скользящего среднего» [25, р. 120].

¹¹ Ср. в письме Ю. Н. Слуцкой от 17.06.1926: «Не так просто освободиться из плена работы. Вчера я даже в Институт не хотел идти. Сидел дома и вычислял, вычислял, вычислял. Я не могу положиться на своих барышень, хотя одна из них оказалась идеальной вычислительницей» [28]. В письме от 22.06.1926: «Доказал одну важную теорему... Математический фундамент заложен... Если бы нужно было десять лет искать то, что я нашел, и то стоило бы» [29].

жить циклы, а не создать их» [31, с. 320]¹². С позиций этого результата вполне пронзительным выглядит суждение С. А. Первушина (у которого Слуцкий работал в Госплане) во время полемики о больших циклах: «Со статистической точки зрения, по-моему, ни Н. Д. Кондратьев ничего не доказал, ни Д. И. Опарин ничего не опроверг».

1930-е годы: снова невидимая, но уже однозначная корреляция статистических концепций Слуцкого и Кондратьева

Дальнейшая эволюция взглядов Кондратьева (после 1928 г.) показывает последовательное освоение им идейного наследия, накопленного в секции методологии изучения конъюнктуры Конъюнктурного института. Находясь в Бутырской тюрьме, он опять обращается к Чупрову и его «Очеркам по теории статистики». Книга, о которой в Суздале он скажет, что она «настолярная и всегда будет необходима», привлекается Кондратьевым на важных этапах исследования проблемы общества как совокупности хозяйственных явлений. Во-первых, эта совокупность научно познается по закону причинности только потому, что она статистическая [8, с. 177]. Во-вторых, в познавательной деятельности ученые, не удовлетворяясь только законом причинности, апеллируют еще и к «иным структурным онтологическим свойствам», в результате чего любая наука допускает систематическую «схематизацию действительности» [8, с. 178]. В-третьих (и это ключевой момент), статистическое познание, понимаемое как исчисление вероятностей, сталкивается с непреодолимой проблемой — с тем, что оно не перебрасывает моста от вероятности к действительности¹³. Кондратьев формулирует «проблему Чупрова».

Из текста «Бутырской рукописи» не видно, было ли у Кондратьева ее решение. Возможно, в гл. X «Теория цены и равновесия товарного рынка» он искал ответ в законе спроса и предложения, который и всеобщ как закон, и эмпирически проверяем как факт хозяйственной жизни. Однако глава обрывается на самом интересном месте. Ответ, следовательно, нужно искать в «Суздальских письмах» [4].

Продолжая писать «Бутырскую рукопись» уже в Суздале, Кондратьев двигается по «Чупровской» линии. Он приходит сначала к О. Андерсону (начиная с письма от 28.04.1932, затем в письмах 1932 г. от 19.05, 1.09, 20.10, 27.10), потом возвращается к Четверикову (письмо от 28.04.1933) и, наконец, снова обращается к Андерсону, к его одной из наиболее зрелых протоэконометрических статей, в которой специально обсуждаются методы работы с временными рядами, во-первых, и статистический метод элиминирования циклических компонент ряда У. Персона (к которому следовал Кондратьев), во-вторых [32, р. 549, 556–561] (в письме от 28.03.1934).

Однако интереснее другое. С 20.10.1932 г. Кондратьев последовательно и настойчиво запрашивает все основные статьи Слуцкого [2] (просьба повторяется 10.03.1933). Одну из них он получает в интервале 14–28 апреля 1933 г. [4, с. 208, 209]. Затем, 28 апреля 1933 г., т. е. после прочтения ее, «чуть не забыл основную просьбу. Мне очень необходи-

¹² Еще одно подобное утверждение Кондратьева: «Уже из описания этого пути (выделения больших циклов. — П. К.) видно, что большие циклы не созданы методом, а, наоборот, метод применен потому, что в эмпирических кривых замечено наличие больших циклов» [31, с. 320].

¹³ Он как раз ссылается на с. 229–230 книги Чупрова [8, с. 217], где говорится о том, что все основные теоремы, как менее общие (Бернулли—Пуассона), так и более общие (Чебышева), «оставляют нас целиком в пределах категории вероятности».

мы две статьи Е. Е. Слуцкого», т. е. статья «О законе больших чисел» (1925) (см. [2]) и ее расширенный в математическом отношении аналог [9]¹⁴. В ней, напомним, содержалась математическая концепция случайного процесса в качестве решения «проблемы Чупрова». (Кондратьев подчеркивает: «[Этой] второй статьи у меня не было».) И, наконец, в заключение он просит «Теорию корреляции» [2], которой также не было у него в библиотеке; но «можно было бы попросить через Люд[милу] Мар[ьяновну] [Ковальскую] у Е. Е. Мне было бы очень грустно узнать, что он отказал» (письмо от 15.09.1933). И тут же характеристика проникновения в суть дела: «Чем больше я читаю Слуцкого, тем выше ставлю его и заочно шлю ему, как автору, свои комплименты» [4, с. 252].

Еще раз вернемся к «Бутырской рукописи» (см. [8]). В ней Кондратьев выступал против множественности причин, признавая только однозначную причинную связь. Между тем, по Слуцкому, множественность причин может свестись к единичности и зависимости их между собой только при ограничивающей предпосылке «при прочих равных» (ср. с А. Маршаллом!) или гипотезе «среднего человека» Кетле [2, с. 699, 754–755]. Но обе эти предпосылки Слуцкий уже тогда вполне правомерно расценивал как шаг назад.

С другой стороны, Кондратьев в работе [8] продолжает давать *стандартную* трактовку закону больших чисел. То есть он считает, в терминах схемы (2), что *процедура повторения* событий элиминирует «прочие влияния», или «шум». Между тем если придерживаться новой точки зрения Слуцкого, высказанной им в цикле статей 1925–1927 гг., то окажется, что повторение невозможно без конституирования определенного *порядка* [2, с. 70–72]. Последний не абстрагируется от опыта и не глушит его, а деформирует, превращая в новую структуру. Именно в этом заключается мировоззренческий смысл введенного Слуцким в 1927 г. понятия «режим связи» (подсказан Четвериковым) и, соответственно, переключения «режимов». Есть основания считать, что в своей модели экономического роста 1934 г. Кондратьев как раз учел этот факт, построив ее таким образом, чтобы по достижении равновесия в модели могла производиться смена логистик (факт, замеченный еще в конце 1980-х годов Я. Ш. Паппэ).

В итоге, замечая, что освоение Кондратьевым наследия Слуцкого 1912–1927 гг. происходило в точности в *обратном порядке*, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в Суздале он скорее всего осознал значение этих работ Слуцкого в решении «Чупровской проблемы», хотя для достоверного суждения у нас нет сведений, так как рукопись о тренде, о которой он постоянно говорит в «Суздальских письмах» [4, с. 517], по-прежнему не найдена. Во-вторых, к Кондратьеву пришло понимание того, до какой степени эти работы Слуцкого ставят под сомнение результаты его собственных исследований относительно существования и, главное, *теоретического объяснения* больших циклов. Имея в виду модель 1934 г. [4, с. 405–409], которая построена на других основаниях, нежели «объясняющая гипотеза» больших циклов (Й. Шумпетер), можно дать объяснение как тому факту, что «Кондратьев (в 1926–1927 гг.) не осознавал всех следствий из работы Слуцкого о сложении случайных причин», так и тому удивительному обстоятельству, что он «не производил в последующем необходимых расчетов по своей модели и даже, по-видимому, не упоминал о существовании самой проблемы» [25, р. 121]. И, наконец, в-третьих (принимая во внимание первые два вы-

¹⁴ Кондратьев получил ее, о чем сообщил в письме Е. Д. Кондратьевой от 29.09.1933: «С большой благодарностью получил от тебя статью Слуцкого, которая мне была очень нужна» [4, с. 251].

вода), можно сказать, что, осознав в Суздале формальный результат Слуцкого [32], Кондратьев *искал* затем то новое содержательное понимание *случайности*, которое Слуцкий реализовывал в своих вычислительных моделях. И для этого он просил все указанные работы Слуцкого, причем в той *обратной* последовательности, в какой это запечатлено в «Суздальских письмах».

Действительно, если читать «Бутырскую рукопись», имея перед собой работы Слуцкого 1912–1927 гг., то не покидает ощущение, что Кондратьеву в его трактовке «закона больших чисел» применительно к разработке проблем хозяйства как единого целого недоставало как раз того надлежащего понятия *случайности*, к которому Слуцкий постепенно подходил за эти годы и которое явным образом реализовал в цикле статей 1925–1927 гг. [8, с. 163–164, 217]. Последующая трансформация Кондратьевского подхода в 1932–1934 гг. от больших циклов к одной из первых моделей экономического роста получает, таким образом, еще один значимый аргумент в пользу своего существования.

Однако благодаря предложенному подходу достигается еще нечто большее. Прослеживая (эскизно) эволюцию точек зрения двух наших экономистов на статистический метод во взаимной связи друг с другом, мы видим постепенное усиление корреляции идей от нулевой (опосредуемой только влиянием Чупрова и его учеников) в начальный период 1910-х годов¹⁵ до единичной, т.е. полной, в суздальский период Кондратьева 1930-х годов. Это дает основание считать *по логике* последним представителем отечественной традиции в период 1890–1930-х годов именно Слуцкого, а не Кондратьева. А зная, соответственно, о нереализованной Слуцким до конца программы *формализации* экономической науки по примеру статистики, можно сделать вывод, что имеет смысл заниматься научными исследованиями в данной области.

Литература

1. Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института / под ред. П. Н. Ключкина. М.: Экономика, 2010. 719 с.
2. *Слуцкий Е. Е.* Экономические и статистические произведения. Избранное / под ред. П. Н. Ключкина. М.: Эксмо, 2010. (Серия «Антология экономической мысли.») 1152 с.
3. *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избр. труды / сост. Ю. В. Яковец. М.: Экономика, 2002.
4. *Кондратьев Н. Д.* Суздальские письма / под ред. П. Н. Ключкина. М.: Экономика, 2004.
5. *Klein J. L.* The Rise of «Non-October» Econometrics: Kondratiev and Slutsky at the Moscow Conjunction Institute // History of Political Economy. 1999. Vol. 31. N 1.
6. *Белянова Е. В.* Концепция «больших циклов конъюнктуры»: Н. Д. Кондратьев и его оппоненты // Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность: сб. материалов конференции. М., 1991. Ч. II.
7. *Комлев С. Л.* Конъюнктурный институт: научная школа Н. Д. Кондратьева // Научное наследие Н. Д. Кондратьева и современность: сб. материалов конференции. М., 1991. Ч. I. (Переизд. в работе [1].)
8. *Кондратьев Н. Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991.
9. *Слуцкий Е. Е.* Избранные труды. Математическая статистика. Теория вероятностей / Отв. ред. Б. В. Гнеденко, Н. В. Смирнов. М.: АН СССР, 1960.

¹⁵ В этот период статистика как наука, по образному выражению Слуцкого в одном из писем Четверикову 1942 г., находилась на таком уровне развития, что в ней «мотыгой можно было находить бриллианты».

10. Колмогоров А. Н. Евгений Евгениевич Слуцкий // Успехи математических наук. 1948. Т. III. № 4 (26).
11. Kondratiev N. Collected Works. 4 vols / ed. by V. L. Barnett, W. Samuels, N. Makasheva. Transl. by St.S. Wilson. London: Pickering and Catto, 1998. 1500 p.
12. Klyukin P. N., Yakovets Yu. V. On Kondratieff's «Suzdal Letters» and Transformation of K-Cycles Approach // NATO Security through Science Series: Human and Societal Dynamics. Vol. 5. Kondratieff Waves, Warfare and World Security / ed. by T. C. Devezas. Amsterdam, 2006.
13. Barnett V. The Contextual Sources of Slutsky's Effect: 1915, 1927, and After // Journal of the History of Economic Thought. 2007. Vol. 29. N 4. Dec.
14. Chipman J. S. Slutsky's praxeology and his critique of Böhm-Bawerk // Structural Change and Economic Dynamics. 2004. Vol. 15.
15. Шейнин О. Б. А. А. Чупров. Жизнь, творчество, переписка: 2-е изд. Берлин; М.: Янус-К, 2010.
16. РГАЛИ. Ф. 2133. (Фонд Е. Е. Слуцкого.) Оп. 2. Д. 42. Л. 2 об. и др.
17. Кондратьев Н. Д. Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии: Социально-экономический и финансовый очерк. Иваново, 2002 [1915].
18. Дмитриев А. Л. Петр Петрович Мигулин; Иван Христофорович Озеров; Владимир Николаевич Твердохлебов // Очерки по истории финансовой науки / под ред. В. В. Ковалева. М.: Проспект, 2010.
19. Широкопад Л. Д. Антоний Иосифович Буковецкий // Очерки по истории финансовой науки / под ред. В. В. Ковалева. М.: Проспект, 2010.
20. Железнов В. Я. Россия // Историки экономической мысли России: В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я. Железнов / под ред. М. Г. Покидченко, Е. Н. Калмычковой; пер. М. Г. Покидченко. М.: Наука, 2003.
21. Кондратьев Н. // Вестник Европы. Пг., 1916. № 6. [Рец. на кн.:] М. А. Бунятян. Экономические кризисы. Опыт морфологии и теории периодических экономических кризисов и теории конъюнктуры. М/, 1915.
22. Из письма А. А. Чупрова С. Н. Прокоповичу (Дрезден, 20 мая 1923 г.) // ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 250. Л. 17–17 об.
23. Чупров А. А. Архивные материалы, газетные и журнальные публикации / сост. и пер. О. Б. Шейнин. Берлин: NG Verlag, 2009.
24. РГАЛИ. Ф. 2133. Оп. 2. Д. 50. Л. 73 об.
25. Barnett V. Kondratiev and the Dynamics of Economic Development. Long Cycles and Industrial Growth in Historical Context. London: Macmillan, 1998.
26. Дмитриев А. Л. Письма Н. С. Четверикова к В. И. Борткевичу // Вопросы статистики. 2008. № 12. С. 69–75. Письмо № 2.
27. РГАЛИ. Ф. 2133. Оп. 2. Д. 50. Л. 93 об.
28. РГАЛИ. Ф. 2133. Оп. 2. Д. 25. Л. 68 об. — 69.
29. РГАЛИ. Ф. 2133. Оп. 2. Д. 25. Л. 70 об. — 71.
30. РГАЛИ. Ф. 2133. Оп. 2. Д. 25. Л. 104 об.
31. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики // Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.
32. Anderson O. On the Logic of the Decomposition of Statistical Series into Separate Components // Journal of the Royal Statistical Society. 1927. Vol. 90. N 3.

Статья поступила в редакцию 15 июня 2011 г.